

На правах рукописи

Костылев Юрий Сергеевич

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ
ОБРАЗА ВРАГА (на примере текстов советской
массовой печати 1919–1953 гг., освещающих
локальные и региональные конфликты)**

Специальность 10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург
2012

Работа выполнена на кафедре русского языка и общего языкознания
ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б.Н. Ельцина»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Рут Мария Эдуардовна

Официальные оппоненты: **Чудинов Анатолий Прокопьевич**
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Уральский государственный
педагогический университет», проректор по
научной и инновационной деятельности

Феденева Юлия Борисовна
кандидат филологических наук, доцент
ФГБОУ ВПО «Уральская государственная
юридическая академия, кафедра русского,
иностранных языков и культуры речи, до-
цент

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Нижнетагильская государст-
венная социально-педагогическая акаде-
мия»

Защита состоится 18 апреля 2012 г. в «___» час. на заседании диссер-
тационного совета Д 212.285.22 по защите диссертаций на соискание
ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук на базе ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет име-
ни первого Президента России Б.Н. Ельцина» по адресу: 620000,
г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВПО
«Уральский федеральный университет имени первого Президента Рос-
сии Б.Н. Ельцина»

Автореферат разослан «___» _____ 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Л. А. Назарова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена выявлению и анализу лексических средств, при помощи которых создавались образы врагов на примере текстов советской массовой печати периода малых войн 1919–1953 гг.

Актуальность исследования обусловлена общей антропоцентрической направленностью современной лингвистики, в центре которой находится человек, социум, его представления о мире и других людях, отраженные в языке. Знания о мире могут не только выражаться в языке, но и определяться им, и в рамках данного исследования мы имеем дело с обширным текстовым материалом, при помощи которого советские политические структуры стремятся добиться определенного отношения к политическому и военному противнику.

Объект исследования – тексты, авторство и очевидная целеустановка которых позволяет определить функцию создания и использования образа представителя народа-противника как средство влияния на политические воззрения адресата. Такими текстами можно считать тексты массовой печати советского государства в разные периоды его существования.

Предметом исследования являются лексические средства, используемые для создания образов врага в этих текстах.

Цель настоящей диссертации – выявление специфики лексических средств создания образа врага и связанных с ним стереотипов в текстах официальной печати. Под врагом в данной работе подразумевается не только противник в вооруженном конфликте, но и противник тех сил, которые государство поддерживает за пределами страны.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- выявление корпуса конкретных специфических языковых (а именно лексических) средств, при помощи которых описывается противник в текстах определенного периода, при этом особое внимание уделяется номинативной лексике как создающей наиболее характерные и устойчивые черты образа;
- сопоставление средств создания образа врага в текстах с различной прагматической направленностью;
- установление соотношения и взаимосвязей отдельных черт образа, определяющих формирование и развитие целостного образа врага в текстах массовой официальной печати.

В качестве **материала** использовались тексты советской массовой печати 1919–1953 гг., т. е. тексты, предназначенные для широкого круга читателей и предполагающие идеологическое воздействие на адре-

сата: приказы по войскам; тексты агитационных плакатов, листовок и т. п.; опубликованные в печати речи руководителей государства и армии; тексты различных жанров (статьи, эссе, стихотворения, воспоминания и т. п.), объединенные общей целеустановкой идеологического воздействия.

Были рассмотрены тексты, освещающие вооруженные конфликты следующих периодов:

- период гражданской войны и иностранной военной интервенции в России,
- эпоха малых войн и локальных военных конфликтов конца 1930-х–начала 1940-х годов,
- период военных действий конца Второй мировой войны,
- период гражданской войны в Греции 1944–1949 гг.,
- период гражданской войны в Китае 1945–1949 гг.,
- период войны в Корее 1950–1953 гг.

Данные материалы были отобраны из следующих источников: публикации центральных, региональных и фронтовых газет и журналов, газет отдельных видов вооруженных сил и родов войск; тексты сборников главных политических органов ВС СССР (ГУПП КА, ГлавПУРа.); сборники документов, посвященные рассматриваемым конфликтам.

Общее количество собранного материала составляет около **4000** минимальных контекстов, в составе которых функционируют рассматриваемые лексемы. Количество употреблений таких лексем составило около **4600**. Анализ средств создания образа производился путем рассмотрения того, какими специфическими чертами и характеристиками наделялись противники в описываемый исторический период. Очевидно, что такие специфические черты на лексическом уровне выражаются в первую очередь в моделях лексической номинации и в создании специфической образной системы, при помощи которой описывается противник.

На указанные черты обращалось особое внимание при анализе текстового материала. Также специальному рассмотрению подверглись специфические актуальные смыслы, используемые авторами текстов и становящимися ясными из контекста и конситуации. Рассматривались как реальные характеристики врага, на которые в первую очередь обращали внимание авторы пропагандистских текстов, так и идеологически окрашенные (в том числе образные) характеристики.

При этом к исследованию не привлекались неспецифичные нейтральные лексемы, обозначающие врага вообще (*враг, противник* и т. п.), не вносящие особых черт в образы конкретных врагов.

Общетеоретическую основу диссертации составили работы отечественных и зарубежных лингвистов, психологов, военных историков, посвященные пропагандистскому обеспечению военных конфликтов и отражению войны в культуре повседневности: Д. Айдачича, А. Н. Баранова, Е. Бартминьского, О. В. Беловой, Э. В. Будаева, К. Вашика, А. Вежбицкой, А. В. Голубева, В. Клемперера, Н. А. Купиной, А. де Лазари, Дж. Лакоффа, У. Липпмана, Л. Лешана, А. Муссолфа, В. А. Невежина, Е. С. Сеньявской, А. П. Чудинова и других.

Основными методами исследования послужили методы семантического и контекстологического анализа, а также статистический метод.

Теоретическая значимость диссертации определяется тем, что она вносит вклад в изучение теории политической коммуникации и теории речевого воздействия. Результаты, достигнутые в изучении политического текста, могут быть использованы для уточнения положений текстологии, лексикологии, семантики, прагматики, конфликтологии.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней впервые предпринята попытка комплексного анализа образов врагов на материале, охватывающем столь значительный временной промежуток, что позволяет выявить их отличительные черты на разных этапах деятельности советского пропагандистского аппарата. Элементы образов врагов выявляются на конкретных языковых данных, в отличие от принятого во многих работах гуманитарного цикла анализа материалов общекультурологического плана. Кроме того, данная работа обращается, в частности, к материалу конфликтов, изученных сравнительно мало (таких, например, как гражданская война в Греции 1944–1949 гг., советско-финский конфликт 1918–1922 гг. и др.), что позволяет расширить источниковую базу исследования. Как правило, историки посвящают таким конфликтам лишь отдельные параграфы и главы в исследованиях, рассматривающих более широкие вопросы [Лавренов, Попов, 2003; Широкоград, 2006], а лингвисты вообще обходят их своим вниманием. В научный оборот вводится значительный текстовый материал, не анализировавшийся ранее.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования результатов исследования при разработке курсов по межкультурной коммуникации, лингвокультурологии. Результаты анализа могут представлять интерес не только для лингвистов, но и для политиков, специалистов в сфере связей с общественностью, военных исто-

риков, оказаться полезными для людей, чья деятельность связана с публичным общением.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Внимание к языковой составляющей создания образа врага во время локальных и региональных конфликтов играет одну из решающих ролей в сфере деятельности военной пропаганды.

2. Лингвистический подход к анализу документов эпохи позволяет выявить элементы целенаправленного административного вмешательства в лексическую систему языка и проследить ее эволюцию как результат такого вмешательства. Так, например, конкретные лексические единицы, использовавшиеся советской пропагандой (*белополяк, монархо-фашист* и т. п.) демонстрируют стремление увязать образы конкретных врагов с политическими течениями, к которым эти враги в действительности не имели отношения.

3. В создании образа врага задействованы такие языковые средства, как особая лексика (в основном, номинативная), отражающая те или иные черты, которые представляют врага в наиболее негативном свете (*лакэй, предатель* и т. п.), хотя и не всегда соответствуют действительности. Для достижения этих целей могут создаваться новые лексемы (*бело-Финляндия, белофинн, белобандит, монархо-фашист*) либо сознательно корректироваться семантика слова при помощи многократного его повторения в нетипичных контекстах и при описании нетипичных конситуаций (*самурай, банда*).

4. Детализация и разработанность образов врагов в различных конфликтах разная и определяется влиянием экстралингвистических факторов, но, тем не менее, даже слабо разработанные образы могут влиять на формирование подходов и принципов деятельности пропаганды в дальнейшем. Так, образ японца в ходе конфликта 1918–1922 гг. разработан значительно слабее, чем его же образ в конце 1930-х гг., что вызвано меньшей заметностью первого конфликта в сравнении со вторым; в то же время некоторые черты образа 1930-х гг. берут происхождение из образа 1918–1922 гг.

5. Основные подходы и принципы формирования образов различных врагов, ключевые понятия и лексические средства, связанные с ними в советской массовой печати, представляются устойчивыми и присущими разным историческим эпизодам, например, высокая значимость классовой составляющей образов большинства врагов отмечается на протяжении всего рассматриваемого периода.

6. В наборе лексических средств на протяжении рассматриваемого периода прослеживается определенная эволюция, а сами принципы могут корректироваться в зависимости от конкретной обстановки. На-

пример, не исчезая полностью, указанная выше классовая составляющая с течением времени, как правило, несколько ослабевает за счет национальной составляющей.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные результаты исследования изложены автором в выступлениях на следующих конференциях: «Военное искусство и военная культура Евразии: тысячелетия противостояния и взаимовлияния» (Екатеринбург, 2005); «Кинематограф как зеркало военной истории» (Екатеринбург, 2006); «Бренное и вечное: социально-мифологические и политософские измерения идеологии в “массовых обществах”» (Великий Новгород, 2007); «Хронотоп войны: пространство и время в культурных репрезентациях социального конфликта» (Санкт-Петербург–Кронштадт, 2007); «Чтения по военной истории» (Санкт-Петербург, 2009); «Человек–Общество–Армия–Война» (Екатеринбург, 2009); «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» (Екатеринбург, 2009).

По теме диссертации опубликовано 12 работ, в том числе три – в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Структура и объем диссертации определяются поставленными целями и задачами исследования и отражают логику его развития. Диссертация состоит из Введения, двух частей, Заключения, списка встречающихся в тексте сокращений, списка источников языкового материала, списка используемой литературы, включающего 212 наименований. Объем основного текста диссертации составляет 165 страниц, общий объем диссертации – 189 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение включает в себя три параграфа. В первом параграфе «К истории вопроса» рассматривается история развития вопросов политической коммуникации в трудах исследователей, принадлежащих к различным научным дисциплинам, направлениям и школам. Второй параграф «Теория коммуникации и образ врага» рассматривает основные теоретические вопросы, связанные с анализом материала диссертации, представляет основные термины, используемые в работе и раскрывает теоретические вопросы исследования пропагандистского текста, в том числе и в аспекте создания образа врага. В третьем параграфе «Основные положения исследования» представлена характеристика основных параметров исследования: обосновывается актуальность работы, определяется цель, задачи исследования, его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются положения, выносимые на защиту.

Первая часть «Образ врага в массовой печати периодов непосредственного участия советского государства в вооруженных столкновениях» включает три главы, в каждой из которых рассматриваются образы основных внешних врагов советского государства в периоды гражданской войны и иностранной военной интервенции, локальных конфликтов конца 1930-х гг. и завершающего этапа Второй мировой войны. Врагов, с которыми советское государство воевало в указанные периоды, три: Польша, Финляндия и Япония. Соответственно, в указанных главах рассматриваются образы поляка, финна и японца, отраженные в исследуемом материале. Каждая глава разбита на три параграфа в соответствии с хронологической последовательностью обозначенных конфликтов.

В **первой главе** «Образ поляка в текстах периода 1919–1944 гг.» анализируются средства, при помощи которых складывался образ поляка-врага в данный период, рассматриваются характеристики, присваиваемые поляку, прослеживается эволюция образа в течение указанного отрезка времени. Чертами, присущими поляку-врагу, становятся его малочисленность и противопоставленность собственному народу (как правило, по классовому признаку), выражаемые лексикой типа *пан, помещик, правящие круги, клика*. Налицо также некоторые существенные изменения в образе. Так, идея интеллектуальной неполноценности врага, выраженная лексемами *неумный, безумие* и т. п., появляется только с 1939 г. Это можно объяснить, во-первых, тем, что советская пропаганда в 1930-х гг. явно становится менее терпимой к противнику, более эмоциональной и может позволить себе говорить о *безумии* врага, т. е. допускает прямые оскорбления противника; во-вторых, поляки представляли наибольшую опасность для советского государства именно в 1919–1921 гг., и подчеркивание глупости неприятеля могло послужить не мобилизации, а, наоборот, расслаблению адресата текста, так как враг предстал бы перед ним гораздо менее слабым, чем он являлся на самом деле.

Наиболее значимым в эволюции образа поляка кажется изменение взгляда на него от классовых позиций в 1919 г. к национальным в 1939 г., и далее – утрата этим образом и классовых, и национальных черт. Остается лишь идея немногочисленности врага, его несостоятельности и безуспешности его действий.

Во **второй главе** «Образ финна в текстах периода 1918–1944 гг.» подобному анализу подвергается образ финна-врага. Образ врага-финна в советской массовой печати также развивался по линии от классовой характеристики противника к национальной. Если в период 1918–1940 гг. в образе финна постоянно подчеркивается его двойст-

венность – финну-врагу всегда противостоит финн-союзник, то в 1944 г. образ финна становится максимально цельным именно по национальному признаку. Можно отметить некие единые черты образа, проявляющиеся независимо от конкретного исторического эпизода. Так, в текстах подчеркивается преступная сущность действий финнов и их ориентация на более сильного покровителя (Англию, Францию, Германию), причем указывается, что Финляндия в союзе с ним не равноправна, а занимает подчиненное положение.

В **третьей главе** «Образ японца в текстах периода 1918–1945 гг.» рассматривается образ японца-врага. Ведущей и неизменной чертой образа становятся агрессивность японца (воспринимаемая как органическая, неотъемлемая черта характера) и криминальная сущность его действий. Подобные элементы существуют и в образах поляка и финна, но именно в образе японца они становятся наиболее значимыми. В конце 1930-х гг. появляется лексема *самурай*, неизвестная в текстах периода военной интервенции 1918–1922 гг. Она характеризует японца тройко – подчеркивает его агрессивность, принадлежность к иной нации и классовое отличие от адресата текста. В этом мы видим единство способов характеристики между текстами 1939 и 1945 гг. Образ японца 1945 г. сближается с образом 1918–1922 гг. по признаку его социальной разобщенности (однако эта разобщенность выражена не так явно, как, например, в образах поляка и финна). Знакомая по образам других врагов идея безумия актуализируется только в период пограничных конфликтов конца 1930-х гг. По признаку неготовности к войне и несостоятельности в военном деле объединяются образы японца периода интервенции 1918–1922 гг. и конца 1930-х гг. – в 1945 г. эта идея исчезает. Идея несправедливости претензий врага объединяет образы 1939 г. и 1918–1922 гг.

В целом, говоря об образах врагов, рассмотренных в первой главе диссертации, можно отметить, что наиболее важным показателем их эволюции является изменение позиций авторов текстов по отношению к врагу от социально-классовых к национальным. Такое движение было неодинаковым для каждого конкретного врага. Так, например, японец в целом характеризуется более эмоционально и с более ярко выраженным этническим компонентом, чем поляк; финн в этом ряду занимает промежуточное положение, но общая тенденция прослеживается в отношении всех рассмотренных образов. Это можно объяснить изменением международной политической обстановки на протяжении всего рассматриваемого периода и собственного позиционирования советского государства.

При наличии общих черт в рассмотренных образах врагов можно заметить актуализацию некоторых элементов образа, позволяющую различать конкретных врагов. Наиболее заметным средством здесь является использование заимствованной лексики, подчеркивающей национальную специфику врага (например, *пан, самурай, шюцкор*). Но вместе с тем видно стремление авторов текстов использовать уже усвоенные и привычные лексические средства, а указанная лексика может восприниматься лишь как маркер, позволяющий различать во многом схожие образы.

Вторая часть «Образ врага в массовой печати периодов внутригосударственных конфликтов без участия советского государства» также состоит из трех глав, каждая из которых посвящена образу врага в некоторых гражданских войнах периода сер. 1940-х–нач. 1950-х гг. Советский Союз официально не принимал участия в этих конфликтах, но позиция органов советской массовой печати по отношению к ним была недвусмысленной и позволяет судить о том, кого именно советская пропаганда считала врагом, а кого – союзником, и проанализировать конкретные лексические средства, при помощи которых создавался образ врага в данных конфликтах. Такой материал представляет большой интерес в логике исследования, поскольку в данном случае враг и союзник формально принадлежали к одному народу, что требовало от авторов текстов особых приемов, отражающих такую специфику образов.

Первая глава второй части «Образ грека в текстах периода гражданской войны в Греции 1944–1949 гг.» посвящена анализу лексики, используемой для создания образа грека-сторонника правительства во время гражданской войны в Греции 1944–1949 гг. Видно, что создание образа грека-врага в текстах развивает традиции советской пропаганды, сложившиеся еще до Великой Отечественной войны и в ходе нее.

По «инерции», оставшейся со времен заключительного этапа Великой Отечественной войны и по довоенной традиции связывать каждого конкретного врага с наиболее сильным, опасным и закрепившимся в сознании общим врагом, противник активно именуется *фашистом*, причем настолько последовательное использование этого средства в более поздние периоды практически не встречается. Активно применяется лексема *монархист* и однокоренные с ней. Эта деталь образа, соответствующая действительности, связывает врага с усвоенным массовым читателем еще в довоенный период представлением о монархии как бесчеловечной форме правления и усиливает эффект негативного восприятия врага. Отличительной особенностью создания образа врага во внутригосударственном конфликте в данном случае

является то, что враг не выводится за пределы собственной национальности, как это происходит при описании конфликтов внутри других государств (например, в Корее в 1950–1953 гг.), соответственно, лексемы *грек*, *греческий* могут применяться по отношению к представителям обеих из противоборствующих сторон. Объяснить это можно своеобразной политической ситуацией, на фоне которой разворачивался конфликт. Примечательно также то, что в текстах не встречаются обычные для советской пропаганды указания на несостоятельность действий и *безумие* врага. Это можно объяснить тем, что на стороне врага был абсолютный перевес, а исход конфликта был предрешен, поэтому назвать заведомо успешное предприятие авантюрой советская пропаганда не решалась.

Во **второй главе** «Образ китайца в текстах периода гражданской войны в Китае 1945–1949 гг.» анализируется образ китайца-сторонника Чан Кайши во время указанного конфликта. Особенности хода конфликта наложили отпечаток на использование лексики, при помощи которой создается образ врага в этой войне. В данном конфликте образ врага формируется мягко по сравнению с другими случаями. Он обладает сравнительно малым количеством негативных черт, а лексика, используемая для его характеристики, в целом менее экспрессивна, чем при формировании образов многих других врагов. Образ врага периода гражданской войны в Китае значительно отличается от других рассмотренных образов. Главное отличие заключается в том, что на создание этого образа оказывали непосредственное влияние события, происходившие в реальности, советская массовая печать строила стратегию создания образа с учетом хода боевых действий. Мы имеем дело с резким изменением взгляда на врага, активности формирования его образа (при том что врагом он являлся на протяжении всего конфликта) в ходе военных действий, поскольку исход войны был не ясен практически до самого ее завершения, а выражаемая Советским Союзом во время второй мировой войны симпатия по отношению к Чан Кайши не позволяла резко перестроить тон пропаганды. Основными же чертами образа китайца-врага становятся его антинародная сущность, склонность к предательству Китая, выраженная в лексемах *продажный*, *предатель*, *саботажник* и т. п., стремление к борьбе с прогрессом, выраженная в лексеме *реакционный*, и другие.

В **третьей главе** «Образ корейца в текстах периода войны в Корее 1950–1953 гг.» рассматривается лексика, характеризующая образ южного корейца времен войны в Корее 1950–1953 гг. Исследованный материал показывает, что в пропагандистских текстах национальный образ корейца раздваивается, что вызвано действительным разделением

корейцев на два лагеря – враждебный и дружественный авторам текстов. Представители противоположных лагерей наделяются противоположными же характеристиками. Собственно, здесь мы имеем дело даже не с раздвоением образа корейца, а с вытеснением за рамки сообщества «корейцев» значительной их части – тех, кто относится к враждебному лагерю и является *предателем*. Удаляясь из сообщества *корейцев*, враг не становится самостоятельной силой, а предстает *марионеткой*, *пособником* и т. п. более могущественных внешних сил – США и ООН.

Стремление советской пропаганды связать каждого конкретного врага с прочими врагами можно заметить и в более ранние периоды. Для этого он объявлялся сообщником наиболее сильного на тот момент противника (Антанты, белого движения, Гитлера), но именно во время войны в Корее мысль о связи его с более мощным врагом и принципиальной его несамостоятельности проводится исключительно настойчиво. Во всяком случае, именование врага *марионеткой* не встречается ранее столь часто. Используются и более традиционные элементы образа – черты, известные ранее и становящиеся своего рода «визитной карточкой» любого врага, такие как его относительная немногочисленность, выражающаяся в лексемах типа *клика*, при этом враг оказывается противопоставленным некоторой (порой весьма значительной) части своего собственного народа. Подчеркивается некомпетентность противника в военном деле, выражающаяся в лексемах типа *авантюра* по отношению к действиям врага, *авантюрист* и т. п. по отношению к самому врагу. Действия врага объявляются *провокационными*.

В этот период идея немногочисленности сил врага становится ведущей: фактически вся ответственность за действия южнокорейской стороны возлагается на одного человека – Ли Сын Мана. И в другие периоды можно встретить именование войск по имени командующего (*гитлеровцы*, *маннергеймовцы* и т. п.), но здесь мы сталкиваемся с исключительно высокой частотностью упоминания как самого Ли Сын Мана, так и производных от его имени.

В целом при описании внутригосударственных конфликтов без участия СССР образ врага, будучи наделен типичными для любого противника чертами, приобретает и некий специфический элемент. Решающим в данном вопросе становится отнесение либо неотнесение врага к национальности, к которой он объективно принадлежит. В общем случае авторы стараются сознательно вывести его за рамки собственной национальности. Носителем специфических национальных черт становится союзник, борьбой против врага выражающий *патрио-*

тическое отношение к своей стране. Этот взгляд укладывается в рамки общей тенденции, отмеченной в предыдущей части, а именно движения советской пропаганды к националистическому взгляду на мир. На лексическом уровне это выражается в использовании названия страны, этнонимов и производных от них в словосочетаниях, обозначающих политические и военные структуры противника.

Но при этом в каждом конкретном случае мы видим явное влияние определенных общественных, политических и военных факторов на этот вопрос. Так, враг-кореец однозначно представляется авторами текстов не принадлежащим к сообществу корейцев, враг-грек вполне может рассматриваться в рамках сообщества греков, а враг-китаец в текстах «считается» либо «не считается» китайцем в зависимости от обстановки на фронте.

В **Заключениях** обобщаются результаты исследования, делаются выводы об общих для каждого врага и специфичных для конкретных врагов и исторических периодов элементах образа.

Образ врага в советской массовой печати представляется достаточно цельным и единым, независимо от национальной принадлежности противника. Примерно в одинаковом ключе разрабатываются образы не только *поляка*, *финна* или *японца*, но и *немца*, *троцкиста* и т. п. Общими элементами образа любого врага становятся следующие черты:

- интеллектуальная и психическая неполноценность, выражающаяся в лексемах *безумный*, *сумасшедший* и т. п.;
- криминальная сущность врага, выражающаяся в лексемах *бандит*, *разбойник*, *налетчик* и т. п.;
- его агрессивность, выражающаяся в лексемах *захватчик*, *милитарист*, *военщина* и т. п.;
- относительная немногочисленность активно действующих врагов, выражающаяся в лексемах типа *клика*, конструкциях *немногочисленная группа* и т. п., при этом враг часто противопоставляется некоторой (порой весьма значительной) части своего собственного народа;
- некомпетентность противника в военном деле, выражающаяся в лексемах типа *авантюра* по отношению к действиям врага, *незадачливый*, *авантюрист* и т. п. по отношению к самому врагу.

Такое смешение характеристик различных врагов обосновано в пропагандистском отношении: определяя одного врага через другого, автор пропагандистского текста, с одной стороны, экономит усилия при создании образа врага, с другой – связывает этот образ с чем-то уже знакомым и имеющим в языке стойкую негативную окраску. Таким же неслучайным в этом смысле становится тот факт, что во время гражданской войны и иностранной военной интервенции любой враг

связывается в текстах с белым движением, а в конце Второй мировой войны и в годы, непосредственно следующие за ней, – с фашизмом. В этом случае в сознании адресата такого текста формируется устойчивая связь очередного противника с самым негативным и при этом хорошо знакомым на этот момент политическим движением. Зачастую вся этническая специфика очередного противника сводится к включению этнонима и производных от него лексем в уже созданный штамп.

При всем сказанном выше, можно, однако, говорить об эволюции образа врага на протяжении рассматриваемого периода и об отличии стратегии создания образа врага в случаях непосредственного участия советского государства в конфликте и в случаях заинтересованного «взгляда со стороны».

При описании **конфликтов с участием Советской России/СССР** ошутимо движение советской пропагандистской мысли от классового осмысления образа врага к национальному. Наиболее показательной в этом смысле становится эволюция образа финна: если в период 1918–1940 гг. в характеристике финна постоянно подчеркивается его двойственность – финну-врагу всегда противостоит финн-союзник, то в 1944 г. финны представляются единой нацией, а образ финна становится максимально цельным по национальному признаку.

По этому же пути, но с некоторыми отличиями прошла эволюция образов поляка и японца – от сугубо классового во время советско-польской войны 1919–1921 гг. образ поляка приходит к национальному в 1939 г., а образ японца, несмотря на большую, по сравнению с другими врагами, национальную составляющую образа во всех эпизодах, приходит к полному неразличению политических и классовых групп внутри японской нации в советских пропагандистских текстах.

Что касается отличий образов различных врагов, то здесь можно сказать о том, что образы трех этих противников четко делятся на две группы: финны и поляки с одной стороны и японцы – с другой. Несмотря на постоянство идеи агрессивности врага вообще, наиболее агрессивным в текстах всех периодов становится японец. В отношении поляков и финнов советская массовая печать придерживалась более спокойной, нейтральной (насколько это вообще может быть свойственно военной пропаганде) линии поведения, а по отношению к японцам применяла более экспрессивные языковые характеристики. Именно в антропологических отличиях от японцев можно увидеть, в частности, большую активность использования зоологических образов при описании врага.

Одной из специфических черт советской пропаганды становится «изобретение» лексем, включающих классовую и национальную со-

ставляющие образ врага. Как правило, такой лексемой становится заимствование из языка врага слова со значением *господин, дворянин, помещик* и т. п. По такому принципу, например, использовались лексемы *пан, самурай* в отношении поляков и японцев.

Основной отличительной особенностью образа врага при описании **внутригосударственных конфликтов без участия СССР** является то, что враг сознательно выводится авторами текстов за рамки собственной национальности. При этом нельзя сказать, что этнический аспект образа полностью исчезает. Просто носителем национальных черт становится союзник, а борьба в союзе с ним против общего врага становится и борьбой за его страну, а не только за общие с ним идеологические, политические и социальные принципы. Нетипичность образа грека-врага в этом аспекте объясняется специфической военно-политической обстановкой, на фоне которой разворачивался конфликт. А враг-китаец становится таковым только тогда, когда его поражение становится очевидным.

Можно отметить складывание особого лексикона советской массовой печати: она не только активно использует некоторый сравнительно ограниченный круг лексем при создании образа врага, но и в некоторых случаях искажает их семантику.

В целом приемы и направления создания образа врага, применяемые в советской массовой печати, лишь отчасти представляют собой оригинальную находку советских пропагандистов и зачастую использует универсальные средства, присущие военной пропаганде других стран. Идея преступности действий врага или его немногочисленности, борьбы не против страны, а против определенной группы внутри нее, а также многие другие направления его характеристики являются, очевидно, общими для военной пропаганды любой страны и любого периода.

Можно утверждать, что образ врага, сознательно создаваемый в текстах массовой печати во время конфликтов с внешним противником, частично был подвержен изменениям, зависел от конкретной политической обстановки, нередко был противоречив и нелогичен на протяжении одной эпохи. Тем не менее, этот образ, а также конкретные способы его создания часто оказывались вполне жизнеспособными и функционировали на протяжении длительного времени. Это можно объяснить влиянием чисто технических средств (таких, например, как большая частота употребления модели), а также факторов, лежащих за пределами собственно создания стереотипа (в частности, идеологического давления вообще и помещения образа конкретного врага в ряд прочих идеологов и образов других врагов).

О частотности реализации различных мотивов в образах врагов как для всех врагов в целом, так и в отношении представителей конкретных национальностей позволяет судить табл. 1:

Табл. 1

Мотив	Количество лексем, реализующих мотив	Относительная частота употребления (%%)
Классовая характеристика (принадлежность к высшим классам общества)	1140	31,6
Агрессивность	910	25,2
Национальная специфика	907	25,1
Немногочисленность	767	21,3
Несостоятельность действий, авантюризм	390	10,8
Преступность действий	321	8,9
Связь с белым движением	284	7,9
Провокационность действий	206	5,7
Зависимость от внешних политических сил	186	5,1
Угнетение мирного населения	114	3,1
Связь с фашизмом	114	3,1
Предательство интересов народа	75	2
Подлость	71	1,9

В изображении врагов-представителей различных наций есть свои нюансы, ср. табл. 2.

Табл. 2

Мотив	Поляки	Финны	Японцы	Греки	Китайцы	Корейцы
Классовая характеристика	649	27	407	47	10	–
Агрессивность	7	136	757	–	10	–
Несостоятельность	130	106	154	–	–	–

действий, авантюризм						
Преступность действий	36	53	158	25	8	41
Связь с белым движением	167	117	–	–	–	–
Немногочисленность	44	62	–	17	101	543
Провокационность действий	22	66	96	–	–	22
Угнетение мирного населения	41	27	–	17	4	25
Связь с фашизмом	–	23	45	46	–	–
Зависимость от внешних политических сил	–	28	–	–	14	144
Подлость	8	10	53	–	–	–
Предательство интересов народа	–	6	–	–	6	63

Несмотря на сравнительное разнообразие мотивов, при помощи которых создается образ представителя конкретной национальности, существуют некие доминантные мотивы, определяющие основную черту портрета того или иного врага. Очевидно, что такие черты определяются, в первую очередь, внелингвистическими факторами, такими как военно-политическая ситуация, традиции взаимодействия с представителями той или иной нации и т. п.

Для поляков такой чертой становится классовая принадлежность, что можно объяснить как реально существующей на тот момент, так и традиционно сложившейся классово-национальной ситуацией на территориях, где проходили конфликты с Польшей, когда украинские и белорусские крестьяне сосуществовали с польскими землевладельцами.

Ведущим мотивом в образах финна и японца становится мотив агрессивности, поскольку неоднозначная позиция Советского Союза, связанная с территориальными претензиями к Финляндии, неопределенности линии границы у Хасана и денонсацией советско-японского пакта о ненападении, требовала обоснования превентивного удара со стороны СССР. Таким обоснованием могло стать именно постоянное подчеркивание агрессивности врага, который сам может напасть в любой момент. Кроме того, в отношении японцев использование по-

добных мотивов в характеристике имело тем большее основание, что политика Японии в рассматриваемый момент действительно была агрессивной.

Мотив подлости реализуется в основном в образе японца, что вновь связано с необходимостью обоснования начала превентивных действий в 1945 г. в отношении врага, который сам может нанести вероломный удар, а также с имевшими место в действительности нападениями Японии на противника в 1904 и 1941 гг. без формального объявления войны. Это, естественно, было учтено советской пропагандой и вошло в образ японца.

Сравнительно малое внимание советской пропаганды к гражданской войне в Греции привело к тому, что разнообразие лексики, при помощи которой создается образ врага-грека, довольно мало и ведущие черты его образа (классовая принадлежность и отнесение к фашистскому движению) исчерпываются практически только формулировкой *монархо-фашист*.

Доминантной чертой образа врага-китайца является его немногочисленность, что объясняется необходимостью указания на слабую социальную базу противника, поскольку в данной ситуации речь шла о внутривластной борьбе в Китае и для советской пропаганды было важно поставить под сомнение легитимность претензий Гоминьдана на верховную власть в стране. Данный мотив становится ведущим также в образе корейца, поскольку и в данном случае речь шла о борьбе примерно равных по силе группировок, одну из которых требовалось скомпрометировать, указав на ее нелегитимность и практически персональную ответственность главы государства-противника за развязывание гражданской войны. Также ведущей чертой образа корейца, выраженной лексически, становится его несамостоятельность, поскольку реальная ситуация на фронте демонстрировала, что основная часть военных действий ведется войсками ООН, а у авторов текстов появилась на вооружении лексема *марионетка*, встречающаяся ранее значительно реже.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. *Костылев Ю. С.* Образ корейца в текстах советской центральной печати периода войны в Корее 1950–1953 гг. / Ю. С. Костылев // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. Сер. «Филол. науки». 2009. № 10 (44). С. 77–81.

2. *Костылев Ю. С.* Образ китайца в текстах периода гражданской войны в Китае 1945–1949 гг. / Ю. С. Костылев // Политическая лингвистика. 2010. № 1 (31). С. 163–165.

3. *Костылев Ю. С.* Языковой портрет Иосипа Броз Тито в советской печати / Ю. С. Костылев // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 139–142.

Другие публикации:

4. *Костылев Ю. С.* Образ поляка в официально-деловых русских текстах XVII–XX веков / Ю. С. Костылев // *Etnolingwistyka* 17. Lublin, 2005. S. 69–99.

5. *Костылев Ю. С.* Образ поляка в официальных советских текстах / Ю. С. Костылев // Изв. УрГПУ. Лингвистика. 2006. Вып. 19. С. 131–149.

6. *Костылев Ю. С.* «Потерянные поколения» и мировые войны: к вопросу о влиянии духовной культуры на военно-политическую действительность / Ю. С. Костылев // Военное искусство и военная культура Евразии. Тысячелетия противостояния и взаимовлияния. Екатеринбург, 2006. С. 164–174.

7. *Костылев Ю. С.* Языковые способы мифологизации образа финнов в советской массовой печати периода советско-финской войны 1939–1940 гг. / Ю. С. Костылев // Бренное и вечное: социально-мифологические и политософские измерения идеологии в «массовых обществах». Великий Новгород, 2007. С. 149–154.

8. *Костылев Ю. С.* Образ пространства Финляндии в советских стихотворных пропагандистских текстах периода «Зимней войны» / Ю. С. Костылев // Хронотоп войны: пространство и время в культурных репрезентациях социального конфликта. М.; СПб., 2007. С. 234–237.

9. *Костылев Ю. С.* Образ японца в советской массовой печати / Ю. С. Костылев // Политическая лингвистика. 2007. Вып. 21 (1). С. 39–46.

10. *Костылев Ю. С.* Языковые средства создания образа поляка как врага в советской массовой печати периода второй мировой войны / Ю. С. Костылев // *Etnolingwistyka*. 20. Lublin. 2008. S. 257–269.

11. *Костылев Ю. С.* Образ финна в массовой печати советского периода / Ю. С. Костылев // Военный комментатор. № 1 (8). Екатеринбург, 2009. С. 111–120.

12. *Костылев Ю. С.* Образ грека в текстах советской массовой печати периода гражданской войны в Греции 1944–1949 гг. / Ю. С. Костылев // Чтения по военной истории. СПб., 2011. С. 222–226.

Подписано в печать 14.03.2012..Формат 60X84 1/16
Бумага для множительных аппаратов.
Усл.-печ. л. 1,0. Тираж 100 экз.

Отпечатано на ризографе в копировальном центре «Таймер».
Екатеринбург, ул. Луначарского, 136
Заказ №_____